На правах рукописи

Пархоменко Дмитрий Александрович

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

МОСКВА – 2025

Работа выполнена на кафедре уголовного права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научный консультант: **Наумов Анатолий Валентинович**
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Официальные оппоненты: **Бабаев Михаил Матвеевич**
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ВНИИ МВД Российской Федерации, главный научный сотрудник Центра № 1 по исследованию проблем криминологического обеспечения деятельности органов внутренних дел

Клейменов Михаил Петрович
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», заведующий кафедрой уголовного права и криминологии

Кибальник Алексей Григорьевич
доктор юридических наук, профессор, Ставропольский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», профессор кафедры уголовного права и криминологии

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им П.Г. Демидова**

Защита состоится «16» октября 2025 г. в 12:00 на заседании диссертационного совета 24.2.336.03, созданного на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва, 125993, ул. Садовая-Кудринская, дом. 7, стр. 22, зал диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» http://msal.ru.

Автореферат разослан «_____» _____2025 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор юридических наук, профессор **А.Н. Першин**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Основным объектом уголовно-правового воздействия, порожденного фактом совершения преступления и фокусирующегося в этой связи на уголовной ответственности за него, выступает физическое лицо, правовой статус которого в самой общей форме определен в ст. 19 УК РФ: «Уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». При этом уголовная ответственность за содеянное аккумулируется в санкции статьи (части статьи) Особенной части УК РФ, отражающей типовую общественную опасность преступления определенного вида.

Вместе с тем реализация названной санкции применительно к конкретному физическому лицу, совершившему конкретное преступление, происходит с учетом целого ряда обстоятельств – оснований дифференциации уголовной ответственности за преступление. В их числе отечественное уголовное законодательство, хотя и с различной степенью глубины в различные исторические периоды, но всегда достаточно стабильно регламентирует кратность совершения преступлений одним и тем же физическим лицом: совершает ли такое лицо преступление в первый раз в жизни или делает это более одного раза (неоднократно). При отсутствии законодательного определения первого понятия практическое значение такого рода дифференциации уголовной ответственности в российском уголовном праве всегда обусловлено судебным толкованием уголовного закона, причем, на самом высшем уровне – Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. При этом высшая судебная инстанция страны никогда не делала это единообразно для всех случаев употребления в уголовном законе понятия лица, впервые совершившего преступление, разнообразно трактуя его даже в рамках действия одного института уголовного права – освобождения от уголовной ответственности. Примечателен и тот факт, что до настоящего времени ни в одном из разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации так и не дан ответ на вопрос о том, почему в применении уголовного законодательства о лице, впервые совершившем преступление, следует исходить

не из обыденного, житейского, фактического его понимания, а из юридического. Также неясно и то, почему при юридическом толковании лица, впервые совершившего преступление, зачастую во главу угла ставится только судимость (ее наличие или отсутствие) и при этом игнорируется равнозначное уголовно-правовое значение акта освобождения от уголовной ответственности. Этот вопрос особенно актуален в связи с тем, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации порой определяет действие поощрительных примечаний к статьям Особенной части УК РФ в отношении лиц, впервые совершивших конкретные преступления, и делает это дифференцированно применительно к актам освобождения от уголовной ответственности и погашения или снятия судимости[1].

По воле законодателя в последние годы факт совершения преступления впервые определяет действие по сути многих основных институтов уголовного права: освобождения от уголовной ответственности, назначения наказания, его замены и освобождения от него. Через названные институты собственно и реализуется уголовно-правовая политика в отношении лиц, впервые совершивших преступление. И это не случайно, поскольку такая законодательная практика полностью согласуется и с решением отраслевой задачи предупреждения преступлений, и с достижением одной из целей уголовного наказания, одноименной данной задаче (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Тем не менее практика уголовно-правового регулирования, отраженная в данных официальной открытой статистики, свидетельствует о том, что в общем числе «выявленных лиц, совершивших преступления», удельный вес лиц, впервые совершивших преступление (определяемый как остаток от числа лиц, ранее совершавших преступление), неуклонно снижается: в 2023 г. он составлял 40,2 %, 2022 г. – 40,9 %, 2021 г. – 41,8 %, 2020 г. – 42,3 %, 2019 г. – 43 %, 2018 г. – 43,6 %, 2017 г. – 44 %, 2016 г. – 46 %, 2015 – 48,2 %, 2014 – 49,2 %, 2013 – 52,35 %, 2012 – 55,26 %, 2011 – 61,4 %, 2010 – 64,24 %, 2009 – 68 %. Примечательно, что на этом фоне

[1] См., напр.: О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. № 39. П.12 // БВС РФ. 2023. № 3.

растет другой показатель. По данным ГИАЦ МВД России в 2023 г. удельный вес лиц, ранее совершавших преступления, в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления, составил 58,6 %, из них ранее судимых – 53,4 %. В 2022 г. эти показатели, соответственно, составляли 59,1 и 52,1 %; в 2021 г. – 58,2 и 51,7 %; в 2020 г. – 57,7 и 51,9 %; в 2019 г. – 57 и 51,9 %; в 2018 г. – 56,4 и 51,6 %; в 2017 г. – 56 и 50,5 %; в 2016 г. – 54 и 49,8 %; в 2015 г. – 51,8 и 54,5 %; в 2014 г. – 50,8 и 60,5 %; в 2013 г. – 47,7 и 66,7 %; в 2012 г. – 44,7 и 72,3 %; в 2011 г. – 38,6 и 74,4 %; в 2010 г. – 35,8 и 74 %; в 2009 г. – 32 и 74,6 %[2]. Приведенные показатели позволяют сделать однозначный вывод о том, что на протяжении последних почти 15 лет мы наблюдаем устойчивую тенденцию роста, причем значительного (с 32 до 59 %), удельного веса лиц, ранее совершавших преступления, в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления.

Таким образом, при очевидной заинтересованности общества и государства в результативности реагирования на факт совершения преступления впервые (на «первичную преступность»), в приоритете такого реагирования в сравнении с реагированием на рецидивную преступность, ни уголовное законодательство, ни практика его применения в рассматриваемом направлении названных ожиданий не оправдывают. В теории и практике уголовно-правового регулирования до настоящего времени не принято говорить даже об особенностях уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление.

Состояние научной разработанности темы исследования. Несмотря на очевидную для всех, в том числе даже не специалистов в области уголовного права, полезность предупреждения совершения новых преступлений лицами, однажды уже нарушившими уголовно-правовой запрет, а также на необходимость избирательного реагирования уголовного закона на тех, кто нарушил его впервые

[2] Показатели воспроизводятся из раздела «Характеристика лиц, совершивших преступления» ежегодного сборника ГИАЦ МВД России «Состояние преступности в России». В другом разделе этого же сборника, где речь идет о расследованных преступлениях – «Социально-криминологическая характеристика преступности», – эти показатели еще выше. Так, показатель количества лиц, ранее совершивших преступление, в 2023 г. равен не 58,6, а 59,8 %, в 2019 г. – не 57, а 58,7 %, в 2018 г. – не 56,4, а 58,3 %, в 2017 г. – не 56, а 58,2 %, в 2016 г. – не 54, а 56,7 %, в 2015 г. – не 52, а 55,1 %.

и сделал это не в первый раз, – до настоящего времени ни кратность преступлений в целом, ни факт совершения преступления впервые не исследовались в качестве самостоятельной научной проблемы уголовно-правового регулирования. Уголовно-правовая доктрина традиционно фокусирует внимание только на неоднократной преступной деятельности и преимущественно лишь в такой своеобразной ее разновидности, как рецидив, оставляя вне поля зрения и неоднократную преступную деятельность в целом, и другие ее разновидности, помимо рецидива, например, преступность несудимых, осужденных, ранее судимых. Именно такой подход к кратности преступлений обнаруживает себя в рекомендациях IV Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление» (20–22 ноября 2019 г., Академия ФСИН России, г. Рязань), призывающих к разработке и внедрению общегосударственной (межведомственной) системы мониторинга повторной (рецидивной) преступности среди осужденных без лишения свободы. Это, несомненно, важно само по себе, но в первую очередь мониторить следует результативность реакции государства и общества на первичную преступность.

Проблема предупреждения совершения новых преступлений лицами, ранее уже преступавшими черту уголовного закона, казалось бы, должна быть в центре внимания криминологии. Между тем принятая специалистами этой отрасли научного знания типологизация личности преступника отражает деление лиц, совершивших преступление впервые и сделавших это не в первый раз, весьма отдаленно. В лучшем случае она упоминает первую категорию лиц, не давая ей никакой содержательной характеристики. При таком подходе остается неясным: чему и кому противопоставляются традиционно выделяемая в криминологии рецидивная преступность и ее субъекты?

Среди классических работ, посвященных личности преступника, с точки зрения интересующей нас проблемы особняком стоит работа Н. С. Лейкиной «Личность преступника и уголовная ответственность» (Л.,1968). Сначала в докторской диссертации, а затем в одноименной монографии автор затронула практические вопросы влияния личности преступника на освобождение от

уголовной ответственности и назначение наказания. При этом факт совершения такой личностью малозначительного преступления впервые как раз и позволял, по мнению Н. С. Лейкиной, сделать вывод о малозначительности опасности такой личности, что могло повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности по ст. 51 УК РСФСР 1960 г. Однако, поскольку в данном УК понятие лица, впервые совершившего преступление, в самостоятельном значении более не употреблялось, постольку автор более его и не затрагивал ни в уголовно-правовом, ни в криминологическом значении[3].

С характеристикой общественной опасности личности преступника увязывал факт кратности преступлений А. А. Герцензон, отмечая необходимость учета степени вероятности совершения нового преступления лицом, претендующим на освобождение от уголовной ответственности по ст. 51 УК РСФСР 1960 г. (Уголовный закон и личность преступника. М.,1968). Однако и в этой работе, как и в работе Н. С. Лейкиной, лицо, впервые совершившее преступление, не выступало в качестве обособленной составляющей личности преступника. Не удалось нам ее обнаружить и в других криминологических исследованиях личности преступника. И это несмотря на огромный массив литературы, посвященной личности преступника, рецидивной преступности, опубликованной особенно в последние два-три десятилетия советского периода (по личности преступника, в частности, в трудах Ю. М. Антоняна, Ю. Д. Блувштейна, В. Н. Бурлакова, Б. С. Волкова, П. С. Дагеля, А. И. Долговой, К. Е. Игошева, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского, А. Б. Сахарова, В. Д. Филимонова; по рецидивной преступности – в исследованиях Г. А. Аванесова, А. И. Алексеева, Ю. М. Антоняна, Н. С. Артемьева, И. М. Гальперина, А. А. Герцензона, В. И. Гуськова, М. П. Журавлева, В. С. Жгутова, А. Ф. Зелинского, И. И. Карпеца, Н. А. Коломытцева, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, А. С. Михлина, А. Б. Сахарова, Ю. В. Солопанова, С. С. Степичева, Н. А. Стручкова,

[3] Слово «впервые» в УК РСФСР 1960 г. употреблялось и в иных аспектах (ст. 24, п. 4 ст. 38, ст. 46.1).

А. С. Шляпочникова, И. В. Шмарова, В. В. Городнянской, А. А. Забелича, В. Е. Южанина, А. М. Яковлева и др.), а также в работах постсоветского периода (например, П. В. Андришина, А. А. Забелича, Е. Б. Кургузкиной, А. Б. Марданова, А. Н. Пастушеня, А. В. Тимофеевой, Е. К. Флоря). Примечательно, что в последние годы интерес к проблеме личности преступника заметно упал. В период с 2013 г. по этой проблематике, насколько нам известно, защищено всего три диссертации: две кандидатских (Магомедов Н. Н. Личность преступника-взяткополучателя. М., 2013; Забелич А. А. Личность профессионального преступника, отбывающего наказание в местах лишения свободы, как объект криминологического исследования. Рязань, 2013) и одна докторская (Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование М., 2014.). Хотя журнальные публикации на эту тему периодически имеют место.

Докторская диссертация Е.А. Антонян заслуживает внимания потому, что в ней автор, исследовавшая рецидивную преступность и личность рецидивиста, одна из немногих сказала о необходимости снижения в первую очередь абсолютных показателей и первичной, и повторной преступности, и лишь затем – об установлении наиболее жесткого контроля над рецидивной и организованной рецидивной преступностью. Вместе с тем, называя причины совершения повторных преступлений, Е. А. Антонян, как и другие исследователи рецидивной преступности, определила начальную сферу их проявления назначением наказания, а не более ранними стадиями, следующими за совершением преступления, оставив без внимания возможности уголовного закона в этом направлении, в частности, избирательного его реагирования на первичную преступность. Перефразируя известное выражение И. И. Карпеца о том, что наказание назначается за то, что совершил, и для того, чтобы не совершал впредь, можно сказать так: «Уголовный закон должен применяться за то, что совершил, и для того, чтобы не совершал впредь».

Немаловажно и другое. В одной из современных монографических работ, посвященных неоднократному преступному поведению, автор ставит перед собой

цель – разработать концепцию противодействия такому преступному поведению, выработать предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства об ответственности за него, о предупреждении такого поведения (Серкова Т. В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование: дис. …канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016). Однако, как это можно сделать полноценно, оставляя без внимания изучение результативности противодействия первичному – однократному – преступному поведению? Столь же уязвимыми представляются попытки полноценно исследовать проблему рецидива преступлений, ограничивая при этом объект исследования отношениями, характеризующими только рецидив преступлений (Возжанникова И. Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016), а не всю совокупность отношений, в рамках которых происходит хотя бы только умышленная неоднократная преступная деятельность или совершаются преступления лицом, имеющим судимость, без признаков рецидива. Глубоко сомнительным представляется и высказанный в литературе тезис о том, что состояние именно рецидивной (повторной), а не первичной преступности – основа оценки социальной эффективности уголовного законодательства (Д. М. Семенова).

Наконец, с все более широким в последние годы внедрением в уголовное законодательство административной преюдиции предлагается включить в систему категорий уголовного права понятие «административно-криминообразующий рецидив» (Е. А. Жарких). Тем временем, введение понятия первичной преступности предложено не было, хотя она является своеобразным криминообразующим уголовно-правовой рецидив фактором.

С учетом названных обстоятельств и при отсутствии легального определения понятия лица, впервые совершившего преступление, **цель диссертационного исследования** заключается в том, чтобы на основе системного анализа выяснить существующее значение данного понятия на законодательном и правоприменительном уровнях, в данных статистики преступности и судимости, в уголовно-правовой доктрине и на этой основе осмыслить существующую и

сформировать на перспективу более или менее целостную концепцию развития уголовно-правовой политики в названном направлении.

Для достижения поставленной цели в работе ставятся и решаются следующие **задачи:**

– выявить и дать характеристику в современной уголовно-правовой политике России такого направления в ее реализации, как дифференциация уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление;

– выяснить и проанализировать значение факта совершения преступления впервые в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве;

– провести сравнительный анализ разъяснений понятия лица, впервые совершившего преступление, в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации;

– выяснить значение понятий, отражающих факт совершения преступления впервые, в данных официальной открытой статистики преступности и судимости, соотнести это значение с толкованием данного понятия в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации;

– определить значение понятия лица, впервые совершившего преступление, в науке уголовного права и криминологии;

– проанализировать практику применения норм Общей и Особенной частей УК РФ, регламентирующих вопросы ответственности и наказания лиц, впервые совершивших преступление, и предложить конкретные рекомендации по совершенствованию уголовно-правовой политики в форме правоприменения в отношении таких лиц с отражением разработанных рекомендаций в «тематических» постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации;

– предложить конкретные рекомендации по совершенствованию уголовно-правовой политики в форме правотворчества в отношении лиц, впервые совершивших преступление.

Объектом исследования выступают отношения, возникающие на основе норм уголовного законодательства, реализуемые в рамках уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление.

Предмет исследования составляют:

– отечественное уголовное законодательство (материальное, процессуальное, исполнительное) о кратности преступлений, в том числе о лицах, впервые совершивших преступление, зарубежное уголовное законодательство в названной сфере;

– практика применения российского уголовного законодательства;

– данные официальной открытой статистики преступности и судимости, а также социологических и криминологических исследований, проведенных диссертантом и другими авторами;

– опубликованные научные взгляды и представления по рассматриваемой проблематике.

Методология и методы исследования. Результаты работы достигнуты на основе диалектики как всеобщего метода познания ключевых особенностей наук криминального цикла, в том числе уголовного права, криминологии, уголовного процесса, теории права и др. При разработке целостной концепции развития уголовно-правовой политики в обозначенном ранее направлении на перспективу применены общенаучные (анализа, индукции, сравнения, сопоставления и др.), частнонаучные и специальные методы познания, в том числе:

– формально-юридический метод, позволивший выявить содержательную ограниченность и казуальный характер имеющихся разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации о понятии лица, впервые совершившего преступление;

– историко-правовой метод, предоставивший возможность проследить эволюцию российского уголовного законодательства и выявить дифференциацию отношения законодателя в исторической ретроспективе к факту совершения преступления впервые и к факту совершения преступления не в первый раз;

– статистический анализ правовых данных, который был положен в основу исследования общего количества выявленных лиц, совершивших преступления (в данных ГИАЦ МВД России), количества лиц, ранее совершавших преступления, количества лиц, имеющих непогашенные и неснятые судимости, количества юридически несудимых лиц от общего количества осужденных (в данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации), что позволило в некоторой степени восполнить представление о количестве лиц, в первый раз или не в первый раз совершивших преступление;

– метод юридической герменевтики, ставший ключевым инструментом для оценки сущностного назначения использования понятия лица, впервые совершившего преступление, в Общей и Особенной частях УК РФ, и, как следствие, для выявления не отвечающих таким параметрам трактовки этого понятия со стороны высшей судебной инстанции;

– социолого-правовой метод, позволивший изучить и оценить уголовно-правовые феномены, приводящие к «восстановлению» нормального уголовно-правового статуса лица, совершившего преступление;

– сравнительно-правовой метод, ставший основой компаративного исследования особенностей отражения в уголовном законодательстве зарубежных государств не только кратности преступлений вообще, но и, прежде всего, факта совершения преступления впервые, что, в свою очередь, позволило обнаружить прототипы, аналоги подобных отечественному законодательных решений или отличного подхода к регламентации этого вопроса, включая отсутствие специального регулирования.

Теоретической основой исследования выступили достижения общей теории права, науки уголовного права и уголовного процесса, криминологии, представленные в трудах специалистов в области уголовной политики – М. М. Бабаева, Н. А. Беляева, С. С. Босхолова, П. С. Дагеля, А. И. Долговой, Н. И. Загородникова, И. М. Клейменова, А. И. Коробеева, Н. А. Лопашенко, В. В. Лунеева, Г. М. Миньковского, П. Н. Панченко, Б. Т. Разгильдиева, В. Ф. Цепелева и др., кратности преступлений, дифференциации и

индивидуализации уголовной ответственности – Е. В. Благова, А. И. Бойко, Л. В. Головко, А. С. Горелика, В. К. Дуюнова, И. И. Карпеца, И. Я. Козаченко, М. Б. Костровой, Л. Л. Кругликова, В. П. Малкова, В. В. Сверчкова, А. В. Федорова и др., общих вопросов теории и практики уголовно-правового регулирования и криминологии – Н. С. Таганцева, А. В. Бриллиантова, Б. В. Волженкина, А. А. Герцензона, Я. И. Гилинского, Ю. В. Голика, А. Э. Жалинского, И. Э. Звечаровского, Н. Г. Иванова, Л. В. Иногамовой-Хегай, С. Г. Келиной, А. Г. Кибальника, Н. М. Кропачева, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, Н. С. Лейкиной, С. Ф. Милюкова, А. В. Наумова, Ю. Е. Пудовочкина, А. И. Рарога, З. Б. Соктоева, Ф. Р. Сундурова, В. А. Якушина, П. С. Яни и других авторов.

Нормативную основу исследования составили: Конституция Российской Федерации, действующее уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, Уголовные кодексы РСФСР 1922 г., редакции 1926 г., 1960 г., Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик 1924 г., Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., Основы уголовного законодательства и республик 1991 г., уголовные кодексы (уголовные законы) ряда зарубежных стран.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в отечественной доктрине уголовного права на системной основе поставлен вопрос об избирательном уголовно-правовом реагировании на преступления лиц, совершивших их впервые, в связи с чем проанализировано фактическое состояние уголовно-правовой политики в отношении таких лиц, предложен комплекс уголовно-правовых мер по ее дальнейшему развитию.

Отдельно актуализируются и обосновываются положения: 1) о необходимости комплексного развития теории кратности преступлений и более последовательного отражения в уголовном законе фактов однократного и неоднократного совершения преступлений; 2) о безуспешности борьбы с рецидивной преступностью без учета результативности уголовно-правового воздействия на первичную преступность; 3) о целесообразности введения в

уголовный закон понятия лица, впервые совершившего преступление. Такая цель заключается в дифференциации уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, в сравнении с теми, кто это сделал не в первый раз; 4) о необходимости отражения в уголовном законе понятия лица, впервые совершившего преступление, не только в юридическом (уголовно-правовом), но и в фактическом значении; 5) о необходимости приведения в соответствие с действующим уголовным законодательством форм статистической отчетности о преступности и судимости в части кратности преступлений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Современная уголовная политика России – это *деятельность правоохранительных и судебных органов по борьбе с преступностью и ее предупреждению, в том числе иными субъектами профилактики, основанная на доктрине и осуществляемая в соответствии с уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством, посредством применения уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера к лицам, совершившим преступление, путем правового воспитания населения.* В свою очередь, уголовно-правовая политика как основной элемент уголовной политики – это *осуществляемая на основе принципов уголовного права деятельность органов власти по принятию уголовных законов, их применению и исполнению правоохранительными и судебными органами, направленная на решение уголовно-правовых задач по охране личности, общества и государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств и их предупреждению.*

2. Констатируется, что и в теории, и в практике уголовно-правового регулирования важен факт наличия уголовно-правовой реакции на совершенное преступление в форме обвинительного приговора суда, а не количество совершенных лицом преступлений, равно как и форма их вины. Это обстоятельство определяет уголовно-правовую значимость лишь одной из форм неоднократной преступной деятельности (рецидива преступлений), и юридически, и фактически отодвигая из поля зрения уголовного закона иные

формы не только неоднократности, но и однократного совершения преступления. При этом факт совершения одного преступления упоминается для того, чтобы оттенить факт совершения нескольких преступлений, а о факте совершения преступления впервые не упоминается вообще. Исторически сложилось так, что *особое уголовно-правовое значение придается не факту совершения преступления впервые, а факту совершения преступления не в первый раз*.

3. В основе сугубо юридического понимания совершения преступления впервые (лица, впервые совершившего преступление) лежит следующее объяснение: *если понятие неоднократного совершения преступлений всегда трактовалось через призму уголовно-правового значения факта совершения преступления (то есть в юридическом смысле), то в основе понятия однократного совершения преступления изначально лежало фактическое его звучание – в смысле совершения преступления в первый раз в жизни. Очевидно, в стремлении уравнять уголовно-правовое значение этих проявлений кратности понятие совершения преступления впервые также приобрело чисто юридическое значение, поскольку понятие неоднократной преступной деятельности по определению не могло утратить свой юридический «статус»*.

4. Исходя из того, что в отечественном уголовном законодательстве дифференциация уголовной ответственности традиционно осуществляется не только в зависимости от того, *что* совершено, но и с учетом того, *кто* совершил, развивается положение Н. С. Таганцева о том, что именно лицо, совершившее преступление, а не само преступление выступает объектом карательного воздействия, основанного на уголовном законе. В этой связи основная идея диссертации основана на том, что лицо, совершившее преступление, – объект не просто карательного, но избирательно карательного воздействия, особенно если речь идет о факте совершения таким лицом преступления впервые и недопущения совершения им новых преступлений. Отмеченное обстоятельство дает основание говорить и об уголовно-правовой политике в отношении определенной категории лиц, совершивших преступление, а в нашем случае – лиц, сделавших это впервые.

5. *Цель уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление* (то есть того конечного результата, на достижение которого такая политика направлена), – *предупреждение совершения новых преступлений такими лицами.* Достижение этого результата определяет в конечном итоге и количественное, и качественное состояние неоднократной преступности, включая рецидив преступлений.

6. С обоснованием необходимости избирательной уголовно-правовой политики в зависимости от кратности преступлений в работе предпринята попытка дать всестороннюю характеристику современного состояния такой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление. В этой связи делаются следующие выводы:

– при отсутствии легального определения понятия лица, впервые совершившего преступление, это обстоятельство учитывается законодателем только в юридическом значении и в основном в связи с совершением преступлений только двух категорий: небольшой и средней тяжести. При этом данное обстоятельство само по себе, как правило, не имеет самостоятельного уголовно-правового значения, для чего требуется наличие дополнительных условий (чаще всего деятельного раскаяния в той или иной форме);

– стремление законодателя ориентировать действие отдельных институтов уголовного права (освобождения от уголовной ответственности, назначения наказания, замены наказания и освобождения от него) на лицо, впервые совершившее преступление, носит бессистемный характер само по себе и практически полностью нейтрализуется еще и бессистемным применением законодательства в этой части;

– определение того или иного вида наказания при осуждении лица, впервые совершившего преступление, несмотря на многообразие видов уголовного наказания и различную степень карательного содержания каждого из них, как правило, не ставится в зависимость от факта совершения преступления впервые (исключение представляет ч. 1 ст. 53^1 УК РФ).

7. При характеристике современного состояния уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление, в форме правоприменения особое внимание обращается на два обстоятельства:

– имеющиеся разъяснения Пленумом Верховного Суда Российской Федерации понятия лица, впервые совершившего преступления, не могут единообразно применяться в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 53^1, ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ст. 80^1, ч. 6 ст. 88 УК РФ, хотя бы потому, что они, во-первых, даются в рамках применения законодательства только об освобождении от уголовной ответственности (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 с последующими изменениями и дополнениями), а во-вторых, носят казуальный характер и лишены единообразия. Эта сторона применения уголовного законодательства о лице, впервые совершившем преступление, до настоящего времени остается без внимания высшей судебной инстанции страны;

– в уголовном законе понятие лица, впервые совершившего преступление, употребляется применительно либо к конкретным категориям преступлений (ч. 1 ст. 53^1, ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75, ст. 76, ст. 76^2, 80^1, ч. 6 ст. 88 УК РФ), либо к конкретным преступлениям (ст. 76^1, примечания к ст. 127^1, 145^1, 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338 УК РФ). Между тем Пленум Верховного Суда Российской Федерации, комментируя уголовный закон в этой части, обычно не придает значения данному обстоятельству и нередко в своих трактовках понятия лица, впервые совершившего преступление, «теряет» указание на категории преступлений.

8. Предусмотренное в уголовном законе понятие лица, впервые совершившего преступление, в данных официальной открытой статистики преступности и судимости в стране на сегодняшний день отсутствует. В связи с этим получить корректное представление о количестве таких лиц в числе совершивших зарегистрированные преступления и в числе осужденных за них практически невозможно. Приближенно это можно сделать одним способом – путем вычитания количества лиц, ранее совершавших преступления, от общего

количества выявленных лиц, совершивших преступления (в данных ГИАЦ МВД России), а в другом – путем вычитания количества лиц, имеющих непогашенные и неснятые судимости, и количества юридически несудимых лиц от общего количества осужденных (в данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации). Говорить о корректной сопоставимости результатов, полученных такими путями, можно весьма условно.

9. Лицо может признаваться совершившим преступление впервые, если ранее оно не совершало преступления, либо, хотя и совершало его, но было освобождено от уголовной ответственности или, будучи осужденным за преступление, не является судимым за него на момент такого признания. Без какого-либо теоретического обоснования и без ссылок на практическую целесообразность предметом разъяснительной практики Пленума Верховного Суда Российской Федерации выступает обычно последнее понятие.

10. В криминологии нет понятия личности преступника, впервые совершившего преступление, есть личность «просто» преступника, которой криминологи традиционно противопоставляют личность рецидивиста. При этом в данном понятии – личность преступника – «растворяется» вся возможная типология таковых: например, тех, кто совершил преступление в первый раз, но признается совершившим преступление впервые в юридическом (уголовно-правовом) значении, или тех, кто совершил несколько преступлений, но ни за одно из них не был осужден и т. д. Таким образом, искать решение проблемы классификации лиц, впервые совершивших преступление, в криминологии бессмысленно, потому что для нее (криминологии) этой проблемы нет, для традиционной криминологии проблема – рецидив. Традиционная криминология более обеспокоена угрозой совершения новых преступлений со стороны рецидивистов, чем со стороны тех, кто совершил преступление впервые. Между тем очевидно, что решение последней проблемы предопределяет решение первой, выступает как минимум одним из наиболее действенных средств воздействия на нее.

11. С учетом всестороннего анализа состояния уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление, называется комплекс предложений, направленных на ее дальнейшее развитие.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что оно содержит решение научной проблемы, имеющей важное политико-правовое значение для борьбы с преступностью в целом посредством уголовно-правового предупреждения новых преступлений со стороны тех, кто однажды преступил черту уголовного закона. Результаты исследования актуализируют проблему кратности преступлений, подчеркивая необходимость более корректного противопоставления неоднократной преступной деятельности однократной. Они могут быть использованы при дальнейшей научной разработке вопросов уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть системно использованы при совершенствовании уголовного законодательства в части дифференциации уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, на различных этапах развития уголовного правоотношения, порожденного фактом совершения преступления. Положения и выводы исследования могут быть приняты во внимание при подготовке постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении норм УК РФ, действие которых определяется понятием лица, впервые совершившего преступление. Результаты диссертационного исследования также могут быть использованы в следственно-судебной практике при применении всего комплекса уголовно-правовых норм о лицах, впервые совершивших преступление, или учитывающих факт совершения преступления впервые. Материалы исследования могут быть полезны при проведении учебных занятий в юридических вузах и на факультетах по курсу уголовного права и криминологии, по некоторым специальным дисциплинам уголовно-правовой специализации («Освобождение от уголовной ответственности», «Множественность преступлений», «Рецидивная преступность» и т. п.).

Степень достоверности результатов исследования предопределяется его методологической обоснованностью, применением общих и специальных методов научного познания, выбор которых обусловлен целью и задачами исследования, непротиворечивостью его исходных теоретических положений, внутренней логикой исследования и его комплексным характером, корректным аргументированием, использованием достаточного объема эмпирического материала и других научных источников.

Эмпирическая база исследования включает:

1) статистические данные о преступности и судимости за период действия УК РФ 1996 г., подготовленные ГИАЦ МВД России и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации;

2) результаты изучения и обобщения архивных материалов в виде постановлений (137 источников) и судебных решений о прекращении уголовных дел в отношении лиц, впервые совершивших преступление (ст. 75–76^2 УК РФ) (152 источника), о назначении наказания за преступления, предусмотренные ст. 158 УК РФ (98 источников);

3) результаты проведенных автором в период 2017–2022 гг. по специально разработанным анкетам опросов 156 судей, проходивших повышение квалификации в Восточно-Сибирском филиале Российского государственного университета правосудия; 274 прокурорских работников, проходивших повышение квалификации и профессиональную переподготовку в Иркутском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации; 87 специалистов (теоретиков и практиков) в области уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, криминологов;

4) пояснительные записки к законопроектам о внесении изменений и дополнений в УК РФ 1996 г. в части указания на лицо, впервые совершившее преступление;

5) эмпирические данные, содержащиеся в работах по исследуемой проблематике других авторов.

Процесс сбора и анализа эмпирического материала осуществлялся с соблюдением требований полноты и достоверности, предъявляемых к подобного рода исследованиям, поэтому полученный и проанализированный материал характеризуется репрезентативностью.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), где проводилось ее рецензирование и обсуждение. По теме диссертационного исследования опубликовано 73 научных работы общим объемом 67,58 п. л., в том числе три монографии, одно учебное пособие, 30 статей – в изданиях из Перечня рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, для опубликования основных научных результатов диссертации, 4 статьи – в изданиях, входящих в базу данных Web of science и Scopus.

Основные положения и выводы работы использовались в личной педагогической практике при преподавании дисциплин уголовно-правовой специализации, докладывались, в частности, на таких научно-практических семинарах и конференциях, как:

– Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора В. В. Мальцева «Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе», 18–19 мая 2017 г., Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград;

– XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVIII Международная научно-практическая конференция «Деятельность правоохранительных органов в современных условиях», 18–19 мая 2017 г., 24–25 мая 2018 г., 6–7 июня 2019 г., 3–4 июня 2020 г., 15–16 июня 2023 г., г. Иркутск, ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»;

– Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке», 25–26 января 2018 г., 24–25 января 2019 г., 23–24 января 2020 г., 21–22 января 2021 г., 20–21 января 2022 г., 25–26 января 2024 г.,

г. Москва, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА);

– XI Российский конгресс уголовного права «Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики», 31 мая – 1 июня 2018 г., г. Москва, Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова;

– XII Российский конгресс уголовного права «Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности», 28–29 мая 2020 г., г. Москва, Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова;

– IV, VII Тихоокеанский юридический форум «Перспективы развития юридической науки, практики и образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе», 2–4 октября 2018 г., 13–15 октября 2023 г., г. Владивосток, Дальневосточный федеральный университет;

– IV Саратовские уголовно-правовые чтения (IV Всероссийская научно-практическая конференция) «Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности», 30 сентября – 1 октября 2019 г., г. Саратов, Саратовская государственная юридическая академия;

– VII, VIII, IX, XI Международная научно-практическая конференция «Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран», 5 октября 2018 г., 27 сентября 2019 г., 16 октября 2020 г., 5 октября 2022 г., г. Иркутск, Иркутский юридический институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

– Международная научно-практическая конференция «Уголовная политика и культура противодействия преступности», 11 сентября 2020 г., г. Краснодар, Краснодарский ун-т МВД России;

– Международная научно-практическая заочная конференция «Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования», 22 апреля 2021 г., г. Иркутск, Восточно-Сибирский институт МВД России;

– Международная научная конференция «30 лет после трансформации. Правовые и экономические изменения в странах Центральной и Восточной Европы», 10–11 июня 2021 г., г. Вроцлав, Польша;

– X Международная научно-практическая конференция «Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран», 1 октября 2021 г., г. Иркутск, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции;

– Международная научно-практическая конференция «Байкальские компаративистские чтения», 17–18 марта 2023 г., 21–22 марта 2024 г., г. Иркутск, Байкальский государственный университет.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух разделов, объединяющих шесть глав, тринадцать параграфов, заключения, приложения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, характеризуется степень ее научной разработанности, определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи; раскрываются методологическая, теоретическая, нормативная и эмпирическая основы работы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость; формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов диссертационного исследования, его структуре.

Раздел I «Состояние уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление» включает в себя четыре главы.

В главе первой **«Уголовно-правовая политика и лицо, совершившее преступление»** предпринята попытка «увидеть» лиц, совершивших преступление, в том числе сделавших это впервые, в каком-либо ракурсе уголовно-правовой политики. В первом параграфе *«Теоретические представления о современной уголовно-правовой политике России»* отмечается, что в последние годы происходит неуклонное снижение интереса к разработке теоретических вопросов политики в области борьбы с преступностью, что объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, уже имеющейся высокой степенью разработанности теории борьбы с преступностью в России, а во-вторых, невостребованностью теоретических концепций существующим государственным механизмом борьбы с преступностью, реальной уголовной политикой, результатом чего выступает отрицание наличия в России вообще какой-либо уголовной политики. В этой связи практически все имеющиеся характеристики современной уголовной, уголовно-правовой политики России носят четко выраженный отрицательный фон. Даже то, что обычно считалось положительным моментом российской (ранее – советской) уголовно-правовой политики – ее гуманистическая направленность – оценивается как недостаток в силу ее чрезмерности и нерациональности, «противоречивости и волатильности» (А. И. Коробеев).

Во втором параграфе *«Дифференциация ответственности лиц, совершивших преступление, как направление уголовно-правовой политики»* отмечается, что в отечественном уголовном законодательстве дифференциация уголовной ответственности традиционно осуществляется не только в зависимости от того, *что* совершено, но и с учетом того, *кто* совершил. При этом практически во всех нормативных актах уголовно-правового характера отечественный законодатель предпринимает попытки дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от того, сколько раз в жизни лицо, способное нести уголовную ответственность (ст. 19 УК РФ), совершило преступление: один раз (однократно) или более одного раза (неоднократно). Именно в этом значении в работе употребляется понятие «кратности преступлений».

Развивая позицию Н. С. Таганцева в вопросе об объекте карательного права (преступное деяние или лицо, его совершившее), отмечается что, во-первых, именно лицо, совершившее преступление, а не само преступление выступает объектом карательного воздействия, основанного на уголовном законе. И такого рода «примат деятеля над деянием» (Ю. А. Красиков) представляется вполне закономерным. Во-вторых, лицо, совершившее преступление, – объект не просто карательного, но избирательно карательного воздействия, особенно если речь идет о факте совершения таким лицом преступления впервые и недопущения совершения им новых преступлений. Отмеченное обстоятельство дает основание говорить и об уголовно-правовой политике в отношении определенной категории лиц, совершивших преступление, а в нашем случае – лиц, впервые сделавших это. Вместе с тем среди оснований дифференциации уголовно-правовой политики крайне редко называется лицо, совершившее преступление (или личность преступника), и практически игнорируется лицо, совершившее преступление в первый раз. Это имеет место даже в тех исследованиях, где предметом внимания выступает такой объект уголовно-правовой политики, как рецидивная преступность.

Глава вторая **«Лицо, впервые совершившее преступление: отражение в уголовном законодательстве»** посвящена анализу отражения в отечественном и

зарубежном уголовном законодательстве понятия лица, впервые совершившего преступление. В первом параграфе *«Совершение преступления впервые в отечественном уголовном законодательстве»* делаются выводы о том, что факт совершения преступления впервые учитывается российским законодателем в основном в связи с совершением преступлений только двух категорий: небольшой и средней тяжести; факт совершения преступления впервые сам по себе, как правило, не имеет самостоятельного уголовно-правового значения, для чего требуется наличие дополнительных условий; определение видов уголовных наказаний при осуждении лица, впервые совершившего преступление, несмотря на их многообразие и различную степень карательного содержания, как правило, не ставится в зависимость от факта совершения преступления впервые (исключение представляет замена назначенного наказания в виде лишения свободы принудительными работами при осуждении за совершение тяжкого преступления впервые (ч. 1 ст. 53^1 УК РФ)); факт совершения преступления впервые практически не учитывается при исполнении уже назначенного уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера.

С момента отражения в уголовном законодательстве факт совершения преступления впервые всегда имел льготное уголовно-правовое значение. Вместе с тем изначально преследуемая отечественным законодателем цель дифференциации уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, в сравнении с тем, кто это сделал не в первый раз (Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г.), в последующем фактически была трансформирована в другую: дифференциации уголовной ответственности лиц, в *юридическом понимании* впервые совершивших преступление, в сравнении с теми, кто это, опять же в *юридическом смысле,* сделал не в первый раз. Вплоть до принятия УК РСФСР 1960 г. юридическое понимание лица, впервые совершившего преступление, хотя и отличалось от фактической трактовки этого понятия, но вытекало из содержания уголовного законодательства. В последующем употребление понятия лица, впервые совершившего преступление, в уголовном законодательстве происходило и происходит без

каких-либо оговорок о несоответствии между этими значениями: уголовный закон не дает определения понятия лица, впервые совершившего преступление, а судебная практика толкует его исключительно в юридическом смысле, принципиально отличающемся от фактического понимания как лица, совершившего преступление в первый раз в жизни.

Факт совершения преступления впервые изначально выступал основанием дифференциации уголовной ответственности без учета характера и степени общественной опасности преступления, говоря современным языком, без «привязки» к отдельным категориям преступлений. Другими словами, это происходило не за тяжкие и менее тяжкие преступления, а «внутри» уголовной ответственности за преступление, причем – за тяжкую его разновидность.

Во всех кодифицированных нормативных актах уголовно-правового характера, предшествовавших вступлению в силу УК РФ 1996 г., законодатель говорил о «совершении преступления в первый раз», «впервые», тем сам вольно или невольно делая акцент на самом факте совершения преступления, а не на лице, его совершившем. Только в УК РФ 1996 г. названные понятия перестали употребляться и на смену им пришло понятие «лица, впервые совершившего преступление»[4].

Во втором параграфе *«Понятие и значение факта совершения преступления впервые в зарубежном уголовном законодательстве»* на основе анализа уголовных кодексов стран СНГ, а также ряда стран, ранее входивших в состав СССР, особое внимание обращается на два обстоятельства: 1) отражая с разной степенью факт совершения преступления впервые в нормах Общей части уголовного законодательства, УК рассматриваемой группы, в отличие от УК РФ, за редким исключением не отражают названное обстоятельство в так называемых поощрительных примечаниях к статьям Особенной части. Другими словами, факт совершения преступления впервые здесь никак не влияет на решение вопроса о

[4] Это понятие употреблялось и в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (ст. 60, 68), которые, однако, не вступили в силу (за исключением ст. 40) в связи с денонсацией союзного договора 1924 г.

применении специальных видов освобождения от уголовной ответственности; 2) в качестве опыта, заслуживающего внимания российского законодателя в регламентации факта совершения преступления впервые, выступает практика более дифференцированной «привязки» данного факта не только к отдельным категориям преступлений, но и отдельным видам преступлений, в зависимости от формы вины совершенного преступления. Особого внимания заслуживает идея освобождения от уголовной ответственности (либо от наказания) лиц, впервые совершивших неосторожное преступление в совокупности с дополнительными условиями и с учетом степени тяжести таких преступлений.

Крайне редкое отражение в уголовном законодательстве других зарубежных стран факта совершения преступления впервые, скорее всего, можно объяснить тем, что в нем данное обстоятельство, в числе прочих называемых и не называемых в законе, охватывается более широкими по значению понятиями «случайный», «закоренелый» преступник (ст. 87 УК Испании, ст. 40 УК Таиланда), «профессиональный преступник» (ст. 7.03 Примерного УК США). При весьма широких полномочиях судов в части характеристики личности виновного и совершенного им деяния уголовное законодательство этих стран порой легализует понятия, которые в российской практике если и употребляются, то не иначе как в уголовно-правовой доктрине, в криминологических исследованиях.

Следует отметить, что в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран отсутствуют вообще какие-либо указания на факт совершения преступления впервые, что, по-видимому, объяснимо общей ориентацией такого законодательства на сам факт совершения преступления, а не на лицо, его совершившее. При таком подходе оттеняется не однократная преступная деятельность, регламентации которой подчинен уголовный закон, а отклонения от нее в сторону многократности – совокупность преступлений и рецидив преступлений. Показателен в этом отношении УК Китая, в котором смягчение уголовно-правовой «участи» лица, совершившего преступление, возможно не

ранее, чем на стадии назначения наказания. При этом значимыми для этого могут быть два обстоятельства – явка с повинной и искупление вины заслугами (§ 3).

С учетом того, что конкретное уголовно-правовое значение понятия лица, впервые совершившего преступление, определяется не в законе, а в судебной практике, глава третья **«Лицо, впервые совершившее преступление, в правоприменении и в статистике»** в работе занимает одно из ведущих мест. В первом параграфе *«Понятие и значение лица, впервые совершившего преступление, в правоприменении»* отмечается, что, несмотря на законодательные изменения в трактовке отдельных форм множественности, связанные с исключением из их числа неоднократности преступлений (2003 г.), изменения в части ограничения пределов значения погашения или снятия судимости (2015 г.), правоприменительная практика изначально ориентировалась на эти два обстоятельства в понимании лица, впервые совершившего преступление. Другими словами, задолго до постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», впервые предложившего более или менее общее определение понятия лица, впервые совершившего преступление, таковым бесспорно признавались три категории лиц: ранее вообще не совершавших преступление; ранее совершавших преступление, но освобожденных от уголовной ответственности за него; ранее совершавших преступление, но признанных не имеющими судимости за него. При желании две последние категории лиц, совершавших ранее преступления, можно было детализировать и выделить в их числе лиц, совершивших очередное преступление впервые. Однако такая детализация будет излишней, если при определении понятия лица, впервые совершившего преступление, во главу угла ставить не юридические факты, обусловливающие освобождение от уголовной ответственности, например, в силу истечения сроков давности, не «промежуточные» уголовно-правовые последствия, например, в виде освобождения от наказания, а «финишные» уголовно-правовые последствия, наступление которых восстанавливает уголовно-

правовой статус лица, совершившего преступление, – *безусловное освобождение от уголовной ответственности либо погашение или снятие судимости.*

Включая в содержание юридической трактовки понятия лица, впервые совершившего преступление, лиц, которые ранее вообще не совершали преступления, и лиц, которые, совершив преступление, имеют уголовно-правовой статус лиц, его не совершавших, в силу названных обстоятельств, формально мы ничего не нарушаем. *Перед нами вопрос целесообразности широкого понимания лица, впервые совершившего преступление.* Проблема состоит лишь в том, что такая «целесообразность», во-первых, вступает в противоречие со ст. 86 УК РФ, когда предусматривает особую трактовку судимости применительно к ст. 76^1 УК РФ и, во-вторых, распространяется Верховным Судом Российской Федерации только на институт освобождения от уголовной ответственности и всего лишь на назначение наказания в виде лишения свободы несовершеннолетним. Тем самым, применяя другие нормы и институты уголовного права, действие которых обусловлено рассматриваемым условием (*института назначения наказания* – ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ч. 6 ст. 88 УК РФ; *института замены наказания на более мягкий вид* – ч. 1 ст. 53^1 УК РФ; *освобождения от наказания* – ст. 80^1 УК РФ), правоприменитель, по-видимому, имеет право трактовать понятие лица, впервые совершившего преступление, иначе, чем это делает Верховный Суд Российской Федерации, например, только в значении лица, совершившего преступление в первый раз в жизни.

Обращается внимание на то, что при отсутствии в законе определения общего понятия лица, впервые совершившего преступление, оно (это понятие) употребляется в нем применительно либо к конкретным категориям преступлений (ч. 1 ст. 53^1, ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75, ст. 76, ст. 76^2, 80^1, ч. 6 ст. 88 УК РФ), либо к конкретным преступлениям (ст. 76^1, примечания к ст. 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338 УК РФ), либо к конкретным составам преступлений (ст. 127^1, 145^1 УК РФ). Между тем высшая судебная инстанция страны, решая этот вопрос, порой не придает значения данному обстоятельству и в определяющей части своих трактовок лица, впервые

совершившего преступление, «теряет» указание на категории преступлений. Неоднозначно в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации решаются и вопросы понимания лиц, которым впервые назначено наказание в виде лишения свободы, а также лиц, ранее не отбывавших лишение свободы.

Во втором параграфе *«Лицо, впервые совершившее преступление, в данных статистики преступности и судимости»* предпринята попытка ответить на вопрос о том, как факт совершения преступления впервые отражается и отражается ли вообще в данных статистики преступности и судимости в стране. Определенная сложность ответа на поставленный вопрос объясняется не столько «разбросанностью» рассматриваемого понятия в нормативном материале уголовного права, сколько известной неопределенностью его содержания в тексте уголовного закона, которую время от времени преодолевает Верховный Суд Российской Федерации в своих постановлениях, решениях по конкретным уголовным делам либо в ответах на вопросы, поступающие от судов в связи с изменением УК РФ 1996 г. На сегодняшний день можно назвать два значения рассматриваемого понятия: 1) лицо, впервые совершившее преступление, – лицо, действительно впервые совершившее преступление (совершившее преступление в первый раз в жизни). В таком значении понятие лица, впервые совершившего преступление, в правоприменительной практике употребляется крайне редко, а в документах официальной статистики – не употребляется вообще; 2) лицо, впервые совершившее преступление, – лицо, совершившее преступление хотя и не в первый раз в жизни, но признаваемое таковым в силу положений об освобождении от уголовной ответственности и погашении либо снятии судимости, предусмотренных уголовным законом. Именно таким значением понятия лица, впервые совершившего преступление, оперирует правоприменительная и, прежде всего, судебная практика.

В ежегодных докладах о состоянии преступности в России, подготавливаемых ГИАЦ МВД России, о лицах, впервые совершивших преступление, равно как и о «юридически несудимых» лицах, речь не идет. Традиционно здесь имеет место дифференциация лиц, совершивших

преступление не в первый раз: из общего количества выявленных лиц, совершивших преступления, выделяются лица: 1) «ранее совершавшие преступления», а в их числе называется количество 2) «ранее судимых за преступления»[5]. При этом можно только догадываться о содержании названных понятий и корректности сопоставления их с теми, которыми оперирует судебная статистика.

Таким образом, в данных официальной открытой статистики преступности и судимости в стране при обозначении лиц, впервые совершивших преступление, либо используется понятие, не предусмотренное уголовным законом – «ранее юридически несудимые» лица (в данных судебной статистики), либо такие лица вообще не выделяются, их количество можно установить лишь по остаточному принципу: от общего количества «выявленных лиц, совершивших преступления» вычесть количество лиц, «ранее совершавших преступления» (в данных статистики МВД России). В результате такого подхода в документах и материалах ведомственной отчетности «первичная преступность» если и отражается, то лишь как остаточное явление от «вторичной», рецидивной, преступности.

Глава четвертая **«Лицо, впервые совершившее преступление, в науке уголовного права и в криминологии**» посвящена теоретическому обоснованию понятия лица, впервые совершившего преступление. В первом параграфе *«Понятие лица, впервые совершившего преступление, в науке уголовного права»* отмечается отсутствие вообще каких-либо специальных исследований рассматриваемого вопроса. При отсутствии в уголовном законе определения понятия лица, впервые совершившего преступление – в фактическом или юридическом его значении, – это определение может быть дано с учетом положений уголовного закона, определяющих наличие или отсутствие правовых отношений, порожденных фактом совершения преступления. Такое определение

[5] Характеристика лиц, совершивших преступления // Состояние преступности в России за январь-декабрь 2009-2023 годов. М.: ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2009-2024 [Электронный ресурс]: mvd.ru.

понятие лица, совершившего преступление, неюридическим быть не может. Предусматривать ли в уголовном законе, наряду с юридическим, еще и фактическое понимание лица, впервые совершившего преступление, – это вопрос целесообразности, вопрос уголовно-правовой политики. Отвечая на вопрос, каким *должно быть* такое определение с точки зрения действия механизма уголовно-правового регулирования, автор подчеркивает: 1) именно акт освобождения от уголовной ответственности, а не основания, его обусловливающие (в том числе – истечение давностных сроков), «восстанавливает» нормальный уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление. Аналогичное уголовно-правовое значение имеет погашение или снятие судимости. Уголовно-правовые последствия освобождения от уголовной ответственности таковы, что лицо перестает быть обязанным подлежать уголовной ответственности за ранее совершенное преступление. Тот факт, что при этом не истекли сроки давности по последнему, что освобождение от уголовной ответственности состоялось по иному основанию, уголовно-правового значения не имеет; 2) лицо, совершившее преступление, не освобожденное за него от уголовной ответственности, совершившее новое преступление, вряд ли можно считать лицом, совершившим последнее преступление впервые. И делать этого нельзя именно с юридической (уголовно-правовой) точки зрения, поскольку уголовное правоотношение, порожденное фактом совершения первого преступления, еще не реализовано до конца, а лицо, его совершившее, еще не утратив статус субъекта одного преступления, стало субъектом другого преступления; 3) с освобождением от уголовной ответственности либо погашением или снятием судимости лицо, совершившее преступление, утрачивает статус субъекта уголовного правоотношения, порожденного фактом совершения преступления, оно, как и раньше (до момента совершения преступления), – «только» лицо, обязанное соблюдать требования уголовного закона, оно – «просто» субъект уголовной ответственности; 4) лицо, совершившее преступление, утратившее статус такого лица в силу освобождения от уголовной ответственности или погашения либо снятия судимости, и вновь после этого совершившее преступление, для

уголовного закона – это лицо, впервые совершившее преступление. Вопрос о законодательном определении понятия лица, впервые совершившего преступление, становится актуальным сам по себе уже тогда, когда – либо в самом законе, либо на правоприменительном уровне – предлагается трактовка понятия лица, впервые совершившего преступление, отличная от той, которая вытекает из названных выше положений уголовного закона. При этом, во-первых, речь идет об определении понятия *лица, впервые совершившего преступление*, а не *преступления, совершенного впервые, а во-вторых, лицам, впервые совершившим преступление, должны противопоставляться* не преступления, совершенные впервые, не лица, их совершившие, а лишь *лица, сделавшие подобное не в первый раз*.

Во втором параграфе *«Лицо, впервые совершившее преступление, в криминологии»* на основе обзора учебной литературы по криминологии сделан вывод о том, что в ней проблема лиц, впервые совершивших преступление, ни сама по себе, ни в плане сравнения с рецидивной преступностью даже не обозначается. Что касается специальных научных исследований, в которых названная проблема могла бы затрагиваться, и, прежде всего, работ, посвященных личности преступника, рецидивной преступности, то и в них определенного ответа на вопрос об отличиях вторичной (рецидивной) преступности от первичной преступности, о необходимости и обоснованности избирательного реагирования на преступления, совершенные впервые, не дается. В связи с этим делается вывод, что практика более обеспокоена угрозой совершения новых преступлений со стороны рецидивистов, чем со стороны тех, кто совершил преступление впервые. Между тем очевидно, что решение последней проблемы предопределяет решение первой, выступает как минимум одним из наиболее действенных средств воздействия на нее.

Раздел II «Развитие уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление» включает в себя две главы.

В главе первой «**Об общих вопросах совершенствования уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление**»

выясняется обоснованность введения в уголовное законодательство понятия лица, впервые совершившего преступление, в качестве основания дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. В первом параграфе *«Совершение преступления впервые: обоснованность введения в уголовный закон и значение среди других обстоятельств»* отмечается, что практика придания уголовно-правового значения факту совершения преступления впервые наиболее широко и всесторонне присутствует при регламентации института освобождения от уголовной. Из всех случаев употребления в статьях УК РФ на долю названного института приходится 19 упоминаний из 24. В этой связи, констатируя особую уголовно-правовую значимость освобождения от уголовной ответственности с учетом статуса освобождаемого лица (лица, впервые совершившего преступление), принятие такого уголовно-правового решения в большинстве случаев лишь с учетом одного дополнительного обстоятельства в виде деятельного раскаяния, нельзя не обратить внимание и на другое. Если в нормах Общей части УК РФ, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75, ст. 76, ч. 1, 2 ст. 76^1 ст. 76^2 УК РФ), указание на факт совершения преступления впервые в целом не только корректно с юридической точки зрения, но и социально оправданно, то решение данного вопроса в нормах Особенной части УК вряд ли может сопровождаться такой же характеристикой.

Во-первых, следует отметить тот факт, что из примечаний к 48 статьям (частям статей) Особенной части УК РФ (110^2, 126, 127^1, 145^1, 157, 178, 184, 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 200^1, 200^3, 200^5, 200^7, 204, 204^1, 204^2, 205^1, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 210, 212, 222, 222^1, 222^2, 223, 223^1, 228, 228^3, 275, 275^1, 282^1, 282^2, 282^3, 284^1, 291, 291^1, 291^2, 322^2, 322^3, 337, 338), принятых законодателем в развитие установления, предусмотренного ч. 2 ст. 75 УК РФ, только 15 (к ст. 127^1, 145^1, 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338) содержат указание на факт совершения преступления впервые. Таким образом, законодатель сужает возможности освобождения от уголовной ответственности в последнем случае. При прочих равных условиях, предусмотренных в примечаниях, рассчитанных на лицо, совершившее преступление впервые, и

лицо, сделавшее это не в первый раз, это означает более серьезную общественную опасность преступлений первого рода. Если придерживаться такой логики, а другая здесь вряд ли применима, можно сделать вывод о большей общественной опасности преступлений, предусмотренных, например, ч. 1, п. «а» ч. 2 ст. 127^1 УК РФ, в сравнении с преступлениями, предусмотренными ст. 126 УК РФ. Однако примечание к ст. 127^1 УК РФ не предусматривает ожидаемого освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших другие преступления из числа предусмотренных в этой статье, сделавших это не в первый раз. Если действие примечания 3 к ст. 198 УК РФ рассчитано на лицо, впервые совершившее преступление, то не совсем ясно, почему такое ограничение не предусмотрено в примечаниях к статьям УК РФ об уголовной ответственности за терроризм (205, 205^1, 205^3, 205^4). Вряд ли такую законодательную практику можно объяснять и стремлением законодателя предупредить наступление более тяжких последствий, чем те, которые уже наступили, как это порой предлагается в литературе, потому что по характеру и степени общественной опасности преступления последнего рода более социально опасны, что подтверждается отнесением большей части из них к категории тяжких и особо тяжких преступлений.

Во-вторых, среди примечаний об освобождении от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, нет единообразия в определении границ уголовно-правового значения данного обстоятельства. Ни одно из таких примечаний не распространяется на лиц, впервые совершивших любое преступление. Законодатель решает данный вопрос весьма точечно, ориентируясь, судя по всему, не на типовую и даже не на видовую принадлежность преступления (принадлежность преступления к определенной категории или к определенному виду соответственно), а на совершенно конкретные преступления. В этой связи чаще всего действие рассматриваемых примечаний распространяется на лиц, совершивших впервые преступления, уголовная ответственность за которые предусмотрена отдельной статьей Особенной части УК РФ (ст. 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1-282^3,

337, 338), и значительно реже – на лиц, впервые совершивших преступления, подпадающие под признаки лишь отдельных составов из всего множества, предусмотренных статьей Особенной части УК РФ (примечания к ст. 127^1, 145^1). В последнем случае неизбежно возникает коллизия в уголовно-правовых последствиях при деятельном раскаянии в преступлениях, предусмотренных различными частями одной и той же статьи.

В параграфе втором *«О необходимости законодательного определении понятия лица, впервые совершившего преступление, и видах такого понятия»* обращается внимание на ряд обстоятельств, подтверждающих необходимость такого решения: 1) разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации понятия лица, впервые совершившего преступление, не охватывают вопросов понимания этого понятия в ч. 1 ст. 53^1, ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ст. 80^1 УК РФ. При разноречивости определения понятия лица, впервые совершившего преступление, в рамках действия института освобождения от уголовной ответственности и нормы, предусмотренной ч. 6 ст. 88 УК РФ, существующие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации к названным случаям вряд ли применимы, а потому здесь нельзя говорить даже об аналогии в праве; 2) не обоснованное разнообразие значений понятия лица, впервые совершившего преступление, в рамках применения института освобождения от уголовной ответственности, придаваемое ему время от времени Верховным Судом Российской Федерации, при отсутствии со стороны последнего разъяснений данного понятия в отношении других институтов уголовного права – не может не вызывать упреков с точки зрения положений, предусмотренных ст. 3 УК РФ; 3) во всех без исключения разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации значения понятия лица, впервые совершившего преступление, присутствует юридическая, а не фактическая трактовка этого понятия; 4) в ситуации, когда понятие, используемое в уголовном законе, применяется на практике в значении, отличном от его буквального понимания, отсутствие в законе его легального определения тем более странно, что отдельные проявления обратной стороны кратности преступлений – множественности – в

форме рецидива и совокупности трактуются именно законодателем, а не правоприменителем. Как итог, в работе сделан вывод о необходимости легального определения понятия лица, впервые совершившего преступление, которое могло быть дано в гл. 4 УК РФ: «*Лицо признается совершившим преступление впервые, если ранее оно не совершало преступления, либо, хотя и совершало его, но было освобождено от уголовной ответственности или, будучи осужденным за преступление, не является судимым за него на момент такого признания».*

В главе второй **«Об отражении в уголовном законе факта совершения преступления впервые с точки зрения должного»** обосновывается ряд законодательных решений, направленных на совершенствование уголовно-правовой политики в данном направлении. В первом параграфе *«Об отражении в уголовном законе факта совершения лицом преступления в первый раз в жизни»* высказывается предложение о том, чтобы факт совершения преступления в первый раз в жизни получил, во-первых, статус обстоятельства, смягчающего наказание, без каких-либо дополнительных условий (безотносительно к категории совершенного преступления, случайному стечению обстоятельств). По мнению диссертанта, указанием на данное обстоятельство следовало бы дополнить и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о назначении наказания (абзац 5 п. 1). Во-вторых, если рецидив преступлений является проявлением отрицательных свойств личности, и этим свойствам уголовный закон придает отрицательное уголовно-правовое значение, которое выражается в более строгом наказании в сравнении с той ситуацией, когда рецидив отсутствует, то логично предположить, что факт совершения преступления в первый раз в жизни, в сравнении с предыдущим, заслуживает льготной уголовно-правовой оценки: назначения наказания не просто в пределах санкции за совершенное преступление, но, очевидно, как минимум, менее строгого, чем при рецидиве преступлений. В этой связи высказывается мнение о том, что в уголовном законе можно было бы предусмотреть отдельную статью, например, ст. 67^1 УК РФ «Назначение наказания лицам, совершившим преступление в первый раз в

жизни». Факт совершения преступления в первый раз в жизни безотносительно к каким-либо дополнительным условиям мог бы иметь уголовно-правовое значение и в других случаях (в частности, при определении уголовно-правовых последствий неосторожных преступлений срок наказания в виде лишения свободы; как никакое другое он бы мог оправдывать применение ст. 64, 73 УК РФ). Фактом совершения преступления в первый раз в жизни можно было бы обусловить освобождение от уголовной ответственности за любое преступление из разряда небольшой тяжести при условии полного возмещения причиненного им вреда.

В параграфе втором *«Об отражении в уголовном законе факта совершения лицом преступления впервые в юридическом (уголовно-правовом) значении в отношении отдельных категорий преступлений»* отмечается, что анализ нормативных положений УК РФ, содержащих указание на лицо, совершившее преступление впервые, убеждает в том, что трактовка такого понятия едина для всех этих случаев: перед нами всегда лицо, однажды уже совершившее преступление, и дело лишь в том, какое это преступление и какое преступление совершено им вновь. Другими словами, в уголовном законодательстве разнится не трактовка понятия лица, впервые совершившего преступление, а сфера применения этого понятия по кругу лиц в зависимости, как правило, от таких обстоятельств, как: совершение отдельного преступления определенного вида; совершение отдельного преступления определенного вида с конкретным составом (или составами); совершение преступления определенной категории (или категорий). Известное многообразие вариантов определения таких сфер применения понятия лица, впервые совершившего преступление, осуществляемое к тому же и законодателем, и правоприменителем, порой приводит к путанице и неверной трактовке бесспорных положений уголовного закона в регламентации этого вопроса.

Отвечая на вопрос о том, какими соображениями руководствуется законодатель, ограничивая сферу действия понятия лица, впервые совершившего преступление, различными обстоятельствами, в работе отмечается, что все они,

так или иначе, характеризуют совершенное преступление: либо его отдельные категории, либо конкретные преступления определенного вида, либо конкретные составы преступлений. При этом избирательность законодателя в представлении возможности получения тех или иных льгот уголовно-правового характера только лицам, впервые совершившим преступление, очевидно, основана на том, что такие лица ее заслуживают, а совершившие преступление не впервые – нет. Подчеркивается: в действующем уголовном законодательстве России понятие лица, впервые совершившего преступление, используется исключительно для того, чтобы влечь за собой (самому по себе или в совокупности с другими обстоятельствами) льготные уголовно-правовые последствия, в сравнении с ситуацией, когда наступление таких последствий не обусловлено названным понятием. По мнению соискателя, такой подход менее всего уязвим тогда, когда понятие лица, впервые совершившего преступление, «увязывается» с отдельными категориями преступлений как элементами особой классификационной схемы, которая осуществляется законодателем на основе базовых критериев, определяющих на принципиальной основе пределы уголовной ответственности и, соответственно, предпосылки для ее дифференциации (Ф. Р. Сундуров). В этой связи обращается внимание на тот факт, что Особенная часть УК РФ знает не один пример того, как в соответствующих примечаниях речь идет об освобождении от уголовной ответственности за деятельное раскаяние в преступлениях небольшой или средней тяжести (ч. 1 ст. 126, ч. 1 ст. 178, ч. 1, 5 ст. 184, ст. 195, 198, ч. 1 ст. 199, ч. 1 ст. 199^{1}, 199^{3}, 199^{4}, ч. 1, 2, 5, 6 ст. 200^{7}, ч. 1, 2, 5, 6 ст. 204, ч. 1, 2, 4 ст. 204^{1}, 204^{2}, ч. 1, 4 ст. 222, ч. 1 ст. 222^{1}, ч. 1,4 ст. 223, ч. 1 ст. 228, 228^{3}, ч. 1, 2 ст. 291, ч. 1 ст. 291.1, 291^{2}, ст. 307, 337 УК РФ), в том числе лиц, впервые совершивших такие преступления (ст. 195, 198, ч. 1 ст. 199, ч. 1 ст. 199^{1}, 199^{3}, 199^{4}, 337 УК РФ). Дополнительно аргументировано предложение о необходимости устранения приведения такой законодательной практики в соответствие с положениями ст.75 УК РФ.

В параграфе третьем *«Об отражении в уголовном законе факта совершения лицом преступления впервые в юридическом (уголовно-правовом) значении в*

отношении отдельных преступлений» отмечается, что законодательная практика установления юридически значимой связи факта совершения преступления впервые с отдельными преступлениями на предмет более льготной уголовно-правовой оценки лиц, их совершивших, обнаруживала себя в отечественном уголовном законодательстве достаточно давно и по-разному. Поскольку вопрос об уголовной ответственности за конкретные преступления и уж тем более конкретные составы преступлений – это вопрос Особенной части УК РФ, постольку представляется нецелесообразным по сути и неудачным по форме решение, предложенное в ст. 76^1 УК РФ. Уголовно-правовое стимулирование деятельного раскаяния в преступлениях, перечисленных в ч. 2 этой статьи, целесообразно осуществлять традиционным для российского уголовного законодательства способом – через примечания к статьям (частям) статей Особенной части УК РФ.

Рассматривая законодательную практику отражения факта совершения преступления впервые в нормах Особенной части УК РФ на предмет ее совершенствования и дальнейшего развития, диссертант отмечает, что ни одно из так называемых поощрительных примечаний к статьям Особенной части УК РСФСР 1960 г. (к ст. 64, 77^2, 174, 218, 224) не содержало указания на лицо, впервые совершившее преступление. В УК РФ 1996 г. на момент вступления его в силу такое указание присутствовало лишь в двух примечаниях (к ст. 337 и 338 УК РФ) из тринадцати (к ст. 126, 204, 205, 206, 208, 222, 223, 228, 275, 291, 307, 337, 338 УК РФ). На сегодняшний день из таких примечаний к 48 статьям, 15 из них содержат указание на факт совершения преступления впервые (лицо, впервые совершившее преступление). Однако интересен тот факт, что такое указание – атрибут примечаний, появившихся уже после вступления УК РФ 1996 г. в силу, и оно так и не появилось в тех примечаниях, которые были в нем изначально (за исключением примечаний к ст. 337, 338 УК РФ). За исключением примечаний к ст. 127^1 и 145^1 УК РФ, имеющих избирательный характер и распространяющих свое действие лишь на некоторые составы преступлений, предусмотренные в этих статьях, все остальные примечания, содержащие указание на лицо, впервые

совершившее преступление, носят общий характер, распространяя свое действие на все преступления, предусмотренные той или иной статьей.

В попытке установить причины указания на лицо, впервые совершившее преступление, в отдельных примечаниях к статьям Особенной части УК РФ соискатель приходит к выводу о том, что по большому счету они никем и ничем не обосновывались, по крайней мере, в доступной для всех форме. Этот вывод основан на анализе не только специальной литературы, но и пояснительных записок к законопроектам, заключений по ним соответствующих профильных комитетов Государственной Думы и Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Если же отвлекаться от данного обстоятельства и просто анализировать текст Особенной части УК РФ на предмет целесообразности наличия или отсутствия в соответствующих примечаниях указания на лицо, впервые совершившее преступление, то приходится признать, что такая законодательная практика порой непоследовательна и нелогична в сравнении, она вообще труднообъяснима.

В ***заключении*** подводится итог диссертационному исследованию, называются предложения по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения. В частности, предлагается:

1) отразить в УК РФ факт совершения преступления в первый раз в жизни и учитывать его: при назначении наказания в виде лишения свободы за неосторожные преступления (ст.56 УК РФ); в качестве обстоятельства, смягчающего наказание (ст.61 УК РФ); при назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст.64 УК РФ); при условном осуждении (ст.73 УК РФ). В связи с этим предлагается также дополнить абз. 5 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (в редакции от 18.12.2018) перед словами «Исходя из положений…» предложением *«Характеризующими виновного также признаются сведения, в частности, о совершенном им преступлении впервые или не в первый раз, о*

рецидиве преступлений и его видах, об отбывании ранее наказания в виде лишения свободы»;

2) исключить ст. 76^1 УК РФ, стимулируя лицо, впервые совершившее преступление в сфере экономической деятельности, к деятельному раскаянию в нем путем установления примечаний к соответствующим статьям Особенной части УК РФ; исключить указание на лицо, впервые совершившее преступление, из примечаний к статьям Особенной части УК РФ о налоговых преступлениях (в частности к ст. 198, 199), исходя из того, что общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов заключается в непоступлении денежных средств в бюджетную систему РФ, а с поступлением таких средств (в совокупности со штрафом и пеней) общественная опасность содеянного устраняется и привлечение лица к уголовной ответственности безотносительно к кратности становится нецелесообразным.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих опубликованных трудах автора:

Публикации в изданиях, входящих в базу данных Web of science b Scopus

1. Пархоменко Д.А. Лицо, впервые совершившее преступление, в данных статистики преступности и судимости / Д. А. Пархоменко, А. В. Бычков // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т.11. – № 4. – С. 741-747. (0,5 / авт. участ. 0,25 п.л.).

2. Пархоменко Д.А. Лицо, впервые совершившее преступление, в криминологии // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т.13. – № 4. – С. 604-611. (0,63 п.л.)

3. Пархоменко Д.А. Trends of modern Russian criminal policy in the Russian federation (Направления современной российской уголовной политики в Российской Федерации) / Д. А. Пархоменко, М. А. Ефремова, Е.В Рогова., Л.Р. Клебанов, А.А. Горшенин // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2019. – № 10 (1). – С. 144-154. (0,4 / авт. участ. 0,08 п.л.).

4. Пархоменко Д.А. Пределы уголовно-правового значения понятия лица, впервые совершившего преступление // Всероссийский криминологический журнал. 2024. – Т.18. – № 3. – С. 286-294. (0,7 п.л.).

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертации

5. Пархоменко Д.А. Усмотрение при оценке малозначительности деяния // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 9. – С. 74-78. (0,7 п.л.).

6. Пархоменко Д.А. Формы выражения усмотрения в уголовном законе // Вестник Российской правовой академии Минюста России. – 2013. – № 3. – С. 64-67. (0,4 п.л.).

7. Пархоменко Д.А. Усмотрение в уголовном законодательстве зарубежных стран // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 3. – С. 79-84. (0,6 п.л.).

8. Пархоменко Д.А. Усмотрение правоприменителя при оценке правомерности необходимой обороны // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 1. – С. 68-72. (0,5 п.л.).

9. Пархоменко Д.А. Усмотрение правоприменителя при применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации о добровольном отказе от доведения до конца и вследствие деятельного раскаяния // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 2. – С. 95-100. (0,7 п.л.).

10. Пархоменко Д.А. О дифференциации уголовной ответственности в отношении лиц, впервые совершивших преступление // Вестник Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). – 2017. – № 1. – С. 66-69. (0,36 п.л.).

11. Пархоменко Д.А. Кратность преступлений как основание дифференциации уголовной ответственности // Закон и право. – 2017. – № 8. – С. 75-78. (0,5 п.л.).

12. Пархоменко Д.А. Условные виды освобождения от уголовной ответственности и давность уголовного преследования / Д. А. Пархоменко, С.В Пархоменко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 3 (59). – С. 66-69. (0,31 / авт. участ. 0,15 п.л.).

13. Пархоменко Д.А. Совершение преступления впервые и его отражение в уголовном законодательстве России: история вопроса // Государственная служба и кадры. – 2017. – № 3. – С. 116-122. (0,6 п.л.).

14. Пархоменко Д.А. Определение понятия «совершение преступления впервые» в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 3 (82). – С. 52-60. (0,55 п.л.).

15. Пархоменко Д.А. Уголовно-правовое значение судимости, не предусмотренное ст.86 УК РФ // Образование. Наука. Научные кадры. – 2017. – № 5. – С. 40-42. (0,3 п.л.).

16. Пархоменко Д.А. Новые трактовки понятия лица, впервые совершившего преступление // Наркоконтроль. – 2018. – № 1. – С. 23-26. (0,31 п.л.).

17. Пархоменко Д.А. Об определении понятия лица, впервые совершившего преступление, основанного на уголовном законе // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 1. – С. 90-95. (0,7 п.л.).

18. Пархоменко Д.А. О попытке законодательного определения понятия лица, впервые совершившего преступление // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 1 (63). – С. 83-87. (0,4 п.л.).

19. Пархоменко Д.А. Недостатки судебного толкования понятия лица, впервые совершившего преступление // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 9. – С. 147-153. (0,6 п.л.).

20. Пархоменко Д.А. Уголовная политика: состояние теоретических исследований и их практическая значимость // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 3. – С. 114-119. (0,54 п.л.).

21. Пархоменко Д.А. Об исполнимости уголовных наказаний // Уголовное право. – 2018. – № 5. – С. 39-44. (0,36 п.л.).

22. Пархоменко Д.А. Реализация современной уголовно-правовой политики России в правоприменении // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 1 (84). – С. 66-73. (0,82 п.л.).

23. Пархоменко Д.А. Отражение неоднократной преступной деятельности в данных статистики // Закон и право. – 2019. – № 1. – С. 93-95. (0,35 п.л.).

24. Пархоменко Д.А. Новая уголовно-правовая льгота лицу, впервые совершившему преступление // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 3. – С. 141-144. (0,31 п.л.).

25. Пархоменко Д.А. Дифференциация ответственности лиц, впервые совершивших преступление, как направление уголовно-правовой политики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 4 (91). – С. 69-78. (0,5 п.л.).

26. Пархоменко Д.А. Система уголовных наказаний: теория, закон, практика / Д.А. Пархоменко, И.Э Звечаровский // Уголовное право. – 2019. – № 4. – С. 43-48. (0,5 / авт. участ. 0,25 п.л.).

27. Пархоменко Д.А. Необходимо законодательное определение понятия лица, впервые совершившего преступление // Законность. – 2019. – № 11. – С. 47-49. (0,32 п.л.).

28. Пархоменко Д.А. Об уголовно-правовом значении факта совершения преступления впервые при назначении наказания // Закон и право. – 2020. – № 3. – С. 89-91. (0,28 п.л.).

29. Пархоменко Д.А. Освобождение от наказания или от его отбывания (на примере ст.80^1 УК РФ) // Закон и право. – 2020. – № 4. – С. 89-90. (0,23 п.л.).

30. Пархоменко Д.А. Совершение преступления впервые: обоснованность введения в уголовный закон и значение среди других обстоятельств // Lex Russica. – 2020. – Т.73. – № 6 (163). – С. 160-169. (0,9 п.л.).

31. Пархоменко Д.А. Уголовно-правовое значение преступления, совершенного в первый раз в жизни с неосторожной формой вины // Закон и право. – 2020. – № 5. – С. 95-97. (0,23 п.л.).

32. Пархоменко Д.А. Об отражении в уголовном законе факта совершения преступления впервые в юридическом значении в отношении отдельных категорий преступлений // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 4 (91). – С. 72-77 (0,63 п.л.).

33. Пархоменко Д.А. Об избирательности в назначении условного осуждения к лишению свободы на срок более трех лет // Вестник Университета МВД РФ. – 2021. – № 1. – С. 114-116 (0,18 п.л.).

34. Пархоменко Д.А. Лицо, впервые совершившее преступление, в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ о деятельном раскаянии / Д.А. Пархоменко, И.Э. Звечаровский // Уголовное право. – 2022. – № 2. – С. 12-18 (0,6 п.л.).

Публикации в иных изданиях

35. Пархоменко Д.А. К вопросу о понятии деятельного раскаяния в российском уголовном праве // Проблемы становления гражданского общества: сб. материалов всероссийской научной конференции, 23 марта 2012 г., Иркутск. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2012. – С. 302-305. (0,3 п.л.).

36. Пархоменко Д.А. Усмотрение в механизме уголовно-правового регулирования // Проблемы совершенствования прокурорского надзора: сборник статей. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2012. – Вып. 9. – С. 81-83. (0,2 п.л.).

37. Пархоменко Д.А. К дискуссии об определении понятия и правового основания усмотрения в уголовном праве // Тенденции развития российского и зарубежного законодательства: формирование нового качества безопасности и сотрудничества России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона в 21 веке: материалы международного научно-практического семинара. – Владивосток: ДВФУ, 2012. – С. 153-157. (0,3 п.л.).

38. Пархоменко Д.А. Усмотрение правоприменителя при оценке правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Актуальные проблемы современного права в научных исследованиях молодых ученых-юристов: материалы научно-практической конференции., 28 мая 2013 г. – М.: РПА Минюста России, 2013. – С. 333-336. (0,2 п.л.).

39. Пархоменко Д.А. Субъекты усмотрения в уголовном праве // Правовая политика современной России реалии и перспективы: материалы международной научно-практической конференции, 8 ноября 2014 г., г. Иркутск. – Иркутск: Юридический институт ИГУ, 2014. – С. 98-101. (0,2 п.л.).

40. Пархоменко Д.А. Соответствуют ли пределы усмотрения при назначении наказания критерию законности? // Проблемы современного Российского законодательства: материалы IV всероссийской научно-практической конференции, 11 сентября 2015 г., г. Иркутск. – Иркутск:

Иркутский юридический институт (филиал) РПА Минюста России, 2015. – С. 349-351. (0,2 п.л.).

41. Пархоменко Д.А. Проблемы реализации дискреционных полномочий при применении нормы о добровольном отказе от доведения преступления до конца // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXI международной научно-практической конференции, 26-27 мая 2016 г., г. Иркутск. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ,2016. – С. 125-131. (0,2 п.л.).

42. Пархоменко Д.А. Проблемы применения и перспективы совершенствования института деятельного раскаяния // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: материалы всероссийской научно-практической конференции, 29 апреля 2016 г., г. Иркутск. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ,2016. – С. 8-11. (0,3 п.л.).

43. Пархоменко Д.А. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы V международной научно-практической конференции, 16-17 сентября 2016 г., г. Иркутск. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. С. 116-119. (0,2 п.л.).

44. Пархоменко Д.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Правовое регулирование экономических отношений в Российской Федерации: тезисы докладов всероссийской научно-практической конференции, 12 ноября 2016 г. – Иркутск: ИГУ, 2016. – С. 166-169. (0,2 п.л.).

45. Пархоменко Д.А. Виды поведения в уголовном праве // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: материалы международной научно-практической конференции, 18-19 мая 2017 г., Волгоград, 2017. – С. 389-391. (0,18 п.л.).

46. Пархоменко Д.А. О формировании понятия «лицо, впервые совершившее преступление» в уголовном законодательстве России // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXII международной научно-практической конференции, 18-19 мая 2017 г., Иркутск : в 2 т.– Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2017. – Т. 1. – С. 100-102. (0,2 п.л.).

47. Пархоменко Д.А. Об определении понятия лица, впервые совершившего преступление // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции, 25-26 января 2018 г., МГЮА, Москва. – М.: Проспект,2018. – С. 175-177. (0,13 п.л.).

48. Пархоменко Д.А. Об уголовно-правовой политике в отношении лиц, впервые совершивших преступление // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: материалы XI Российского Конгресса уголовного права, посвященного памяти д-ра юрид.наук, проф. В.С. Комиссарова, 31 мая-01 июня 2018 г., МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва. – М.: Юрлитинформ,2018. – С. 198-202. (0,27 п.л.).

49. Пархоменко Д.А. Усмотрение при определении понятия лица, впервые совершившего преступление // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXIII международной научно-практической конференции, 24-25 мая 2018 г., Иркутск : в 2 т.– Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2018. – Т. 1. – С. 246-248. (0,2 п.л.).

50. Пархоменко Д.А. Лицо, впервые совершившее преступление // Криминологические чтения: материалы XIII всероссийской научно-практической конференции, 26-27 апреля 2018 г., Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Бурят. госуниверситет, 2018. – С. 142-155. (0,85 п.л.).

51. Пархоменко Д.А. Prospect of the notion ‘a person, who has committed a crime for the first time’ development (Перспективы развития понятия «лицо, совершившее преступление впервые») // Перспективы развития юридической науки, практики и образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе:

IV Тихоокеанский юридический форум, посвященный празднованию 60-летия непрерывного юридического образования в Дальневосточном федеральном университете и 99-летию юридического образования на Дальнем Востоке России, 2-4 октября 2018 года: материалы. – Владивосток: Изд-во ДФУ, 2018. – С. 365-369. (0,4 п.л.).

52. Пархоменко Д.А. О характеристике современной уголовно-правовой политики // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы VII международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 5 октября 2018 г. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. – С. 309-313. (0,22 п.л.).

53. Пархоменко Д.А. Совершение преступления впервые и его влияние на назначение наказания // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции, 24-25 января 2019 г., МГЮА, Москва. – М.: Проспект, 2019. – С. 495-499. (0,22 п.л.).

54. Пархоменко Д.А. Показатели кратности преступлений в данных официальной статистики // Миссия современного государства и права в эпоху социальных перемен: материалы международной научно-практической конференции г. Иркутск, 26 октября 2018 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ», Юрид. ин-т [отв. ред. Т. Л. Курас]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – С. 88-91. (0,23 п.л.).

55. Пархоменко Д.А. Совершение преступления впервые и его отражение в уголовном законе: состояние и перспективы развития // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXIV международной научно-практической конференции, 6-7 июня 2019 г., Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. – С. 72-73. (18 п.л.).

56. Пархоменко Д.А. Inadmissibility of different interpretations of the notion «a person, who has committed a crime for the first time» (Недопустимость различных интерпретаций понятия лицо впервые совершившее преступление) // I Форум китайско-российского сравнительного правоведения: сб. материалов международного форума, 11 апреля 2019 г., Кайфун, Китай. – Китай-Россия, 2019. – С. 131-136. (0,35 п.л.).

57. Пархоменко Д.А.О многоаспектности уголовно-правового значения понятия лица, впервые совершившего преступление // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVII международной научно-практической конференции, 23-24 января 2020 г., МГЮА, Москва. – М.: Проспект, 2020. – С. 515-518. (0,27 п.л.).

58. Пархоменко Д.А. Об актуализации исследований кратности совершения преступлений // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы VIII международной научно-практической конференции, Иркутск, 27 сентября 2019 г. – Иркутск: Иркут. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. – С. 332-336. (0,3 п.л.).

59. Пархоменко Д.А. Проблемы реализации уголовной политики в сфере освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление // Трансформация государства и права в условиях глобальной цифровизации общества: материалы всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 26 октября 2019 г. – Иркутск, 2019. – С. 206-212. (0,4 п.л.).

60. Пархоменко Д.А. Преступление совершено в первый раз в жизни: уголовно-правовое значение на стадии назначения наказания // Кутафинские чтения // Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов. XVII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения). XX международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (МГУ): сборник тезисов докладов: в 5 ч. – Ч. 4 – Москва: РГ-Пресс, 2020. – С. 132-136. (0,27 п.л.).

61. Пархоменко Д.А. The crime for the first time and its reflection in the criminal legislation of Russia: history of issue **(**Генезис понятия «Совершение преступления впервые» в уголовном законодательстве России) // Пролог: журнал о праве. – 2020. – № 2 (26). – С. 24-29. (0,6 п.л.).

62. Пархоменко Д.А. Законодательная практика освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление // Эффективность

уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: материалы XII Российского Конгресса уголовного права, 28-29 мая 2020 г., МГУ имени М.В. Ломоносова (заочно), Москва. – М.: Юрлитинформ, 2020. – С. 193-196. (0,23 п.л.).

63. Пархоменко Д.А. Об отражении в уголовном законе факта совершения преступления впервые в отношении отдельных преступлений // Уголовная политика и культура противодействия преступности: сб. материалов международной научно-практической конференции. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2020. – С. 314-319. (0,37 п.л.).

64. Пархоменко Д.А. О правовых последствиях освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII международной научно-практической конференции, 21-22 января 2021 г., МГЮА, Москва. – М.: РГ-Пресс, 2021. – С. 429-432. (0,25 п.л.).

65. Пархоменко Д.А. Уголовная ответственность лиц, впервые совершивших преступление: актуализация проблемы исследования // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы XI международной научно-практической конференции, 01 октября 2021 г., г. Иркутск, Иркутский институт (филиал) ВГУЮ. – Иркутск, 2022. – С. 262-266. (0,3 п.л.).

66. Пархоменко Д.А. Об освобождении от уголовной ответственности с учетом категории преступления лица, впервые его совершившего // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIX международной научно-практической конференции, 20-21 января 2022 г., МГЮА, Москва. – М.: Блок-Принт, 2022. – С. 296-298. (0,18 п.л.).

67. Пархоменко Д.А. Совершение преступления впервые и его отражение в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Байкальские компаративистские чтения: материалы международной научно-практической конференции, 17-18 марта 2023 г., Иркутск, БГУ. – Иркутск, 2023. – С. 227-232. (0,3 п.л.).

68. Parkhomenko D.A. On Issue of Criminal Liability Differentiation // Поворот на Восток: тенденции изменения институтов права и государства в эпоху глобализации и цифровизации. – VII Тихоокеанский юридический форум, 13-15 октября 2023 г.: материалы. – Владивосток: ДВФУ, 2023. – С. 221-223. (0,2 п.л.).

69. Пархоменко Д.А. Отражение факта совершения преступления впервые в уголовном законодательстве Республики Казахстан // Байкальские компаративистские чтения: материалы международной научно-практической конференции, 21-22 марта 2024 г., Иркутск, БГУ. – Иркутск, 2024. – С. 192-199 (0,4 п.л.).

Монографии и учебные пособия

70. Пархоменко Д.А. Уголовно-правовая политика в отношении лиц, впервые совершивших преступление: монография. Москва: Проспект, 2023. 256 с. (17,0 п.л.).

71. Пархоменко Д.А. Лицо, впервые совершившее преступление. Закон, теория, практика: монография / Д.А. Пархоменко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. — 111 с. (7,0 п.л.).

72. Пархоменко Д.А. Усмотрение в уголовном праве при оценке преступности деяния и лица, его совершившего: учебное пособие. – Иркутск: «Иркут», 2017. – 140 с. (8,14 п.л.).

73. Пархоменко Д.А. Усмотрение в уголовном праве: монография / Д.А. Пархоменко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016. — 128 с. (9,0 п.л.).